

И.В. Чувилова

КОЛЛЕКЦИЯ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В статье рассматриваются некоторые аспекты одного из периодов истории музейного дела в России, когда основные позиции Нового времени определяют содержание, формы, состав коллекционирования. Важным фактором собирательской деятельности в начале XIX в. становится Личность, благодаря которой из хаоса предметов выделяются и систематизируются те, которые отвечают задачам постижения окружающего человека мира, а коллекционирование становится частью отечественной культуры и формой национального самоопределения.

Ключевые слова: история музейного дела, коллекционирование, систематизация знания и предметного мира.

I.V. Chuvilova

COLLECTION AS A METHOD OF HUMAN AND CULTURE EXISTENCE IN THE CLASSICAL ERA

The article considers some aspects of one of the periods of the history of museums in Russia, when the basic positions of modern times define the content, form, composition collectibles. An important factor in collecting activities in the early 19th century is The personality, through which objects are allocated from the chaos and systematized those that meet the challenges of understanding surrounding the human world, and collection becomes part of the national culture and a form of national self-determination.

Key words: History of museums, collection, classification and knowledge of the objective world.

Мир упорядочивается и классифицируется – таков основной смысл движения, заданного XVIII столетием. Из множественности средневековых историй выделяются естественная история и история народов, а тщательное наблюдение за вещами и их описание становятся потребностью культуры классической эпохи. Как на европейском пространстве К. Линней и Ж.Л. Бюффон пытаются классифицировать живую природу, И. Винкельман структурирует искусство, а Д. Дидро выстраивает закономерности истории, в России этим занимаются М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, А.И. Галич.

На протяжении всей истории выдающиеся личности и их подвиги, природный мир и его явления становились объектами любопытства и изучения, однако только в Новое время исторические и природные объекты и события начинают систематизироваться, занимая свое, знаковое место в порядке вещей, в новом миропонимании. Теперь они – звенья четко выстроенной системы, в которой позитивное отношение к миру – природному и предметному – становится способом существования человека и культуры.

Введение нового порядка в понимание и представление привычных вещей приводит к фундаментальным последствиям для всей европейской культуры. Совершенно своеобразно этот новый порядок проявляется в коллекционировании, в формах собирательской дея-

тельности и способах ее осмысления. Бережное сохранение письменных источников, организация библиотек и архивов, описание исторических предметов – это то, что становится необходимым для создания «новой» линейной истории. Вещь, помещенная в **со-брание** вещей, в некий, понятный и ведомый коллекционеру, контекст, приобретает иное качество, сообщает новое значение всей коллекции. Происходит, как бы мы сказали сегодня, «визуализация» идей и скрытых доселе смыслов, что происходит тогда, когда «организующая мысль поставит самые обыденные и всем ведомые вещи в определенную связь между собой и выявит посредством вещей ту или иную истину» [1, с. 34].

Какие же истины доносят до нас коллекции этого периода русской истории и истории отечественного музейного дела?

В начале XIX в. интенсивно создаются художественные, естественнонаучные, книжные и рукописные коллекции, причем зачастую в рамках одного большого собрания. В домах известных коллекционеров «художественные галереи», «натуральные кабинеты» и библиотеки сосуществуют в неразрывном и гармоничном единстве. Познание мира происходит на всех уровнях человеческого восприятия. С одной стороны, эстетическое наслаждение, форма репрезентации дома и его владельца, следование европейской моде – факторы, объясняющие широкое распространение в этот пе-

риод времени картинных галерей не только в домах богатых вельмож, но и представителей других сословий.

С другой стороны, активный интерес к предметам «натуральной истории», в котором проявляется и любознательность, и стремление к практическому и экономическому освоению природы, и «высокая этическая оценка природы», что в комплексе способствует тому, что «деньги и чувства «вкладывают» в землю, которую предшествующие эпохи долгое время оставляли заброшенной» [2, с. 156]. Немаловажным является и то, что формами, источниками, «собирающими» документы естественной истории, которую называют «первой формой истории», являются «не другие слова, тексты и архивы, но прозрачные пространства, где вещи совмещаются между собой: гербарии, коллекции, сады» [2, с. 161]. Они более открыты и понятны для систематизации; усложняющийся мир, который стал нуждаться в упорядочивании, легче читался в этих простых формулах. Отсюда берут начало многочисленные ботанические коллекции, сады, гербарии, надолго ставшие любимыми объектами коллекционерского внимания. Профессор Казанского университета К.Ф. Фукс по приезде своем в Казань сразу «начал хлопотать об устройстве Ботанического сада» при университете и активно собирал со студентами ботанические коллекции, что, по мнению современника, явилось результатом увлечения Фукса в Германии философией Шиллинга: профессор «не забывал этих синтетических увлечений своей молодости, и объединяющие идеи о природе были всегда любимым предметом его разговоров» [3, с. 20].

Период зарождения и формирования отечественного коллекционирования, обозначения его в пространстве российской культуры как особого социокультурного явления неразрывно связан с индивидом, субъектом исторического процесса. Взгляд личности становится связующим звеном между прошлым и настоящим.

Именно человек при включении предметов в среду бытования и при изъятии их оттуда руководствуется какой-либо идеей, преследует какие-либо цели, как материальные, так и духовные, этические и т.д. Основы формирования частных коллекций, музейных собраний, меценатства тесно связаны со становлением сознания (=исторического самосознания) их создателей. Коллекционирование, которое неразрывно связано с «культурным смыслом эпохи» (П.П. Муратов), возникает из опыта постижения истории и само становится средством рефлексии.

В этот период возникает та интимность в отношениях между коллекционером и его собранием, о которой немало написано (например, Вальтер Беньямин: «Феномен коллекционирования утрачивает смысл, когда утрачивает персонального владельца.., объекты реализуют свое настоящее призвание только в частных коллекциях» и т.д.). Но здесь мы имеем также национальную особенность, о которой упоминает уже отечественный исследователь: коллекционер в России «всегда несколько больше, чем банальный собиратель,

независимо от собираемого предмета» [5, с. 47]. Он не свободен от национальных, духовных, эстетических и этических норм российской жизни, освоение которой было не только духовно-теоретическим, но и духовно-практическим. Потому и его коллекция – «жизненно-организующая деятельность» (Г.Д. Гачев) – становилась явлением культуры, в какую бы социальную нишу русского общества он ни входил.

При этом взгляд человека на мир в начале XIX столетия становится иным; один из исследователей видит эту инаковость в том, что новое поколение «смотрело на жизнь не снизу вверх и не со стороны, но разглядывало ее лицом к лицу – то задумчиво, то насмешливо» [4, с. 4–5]; частная жизнь становится значимой и интересной сферой человеческого бытия. Отсюда берут свое происхождение увлечение дневниками и записками, альбомами, эпистолярным жанром. История становится, по точному определению М. Гордина, «способом существования», будь это домашняя история или большая история эпохи. «Много благодарен природе, даровавшей мне чувство любить, и стараюсь знать все, касающееся до Отечества», – писал в 1827 г. один из корреспондентов П. Свиньина, отставной офицер из Таганрога [6, л. 1]. Важно отметить: пространство памяти отечества, рода, персоналий в начале XIX в. едино. «Свое» прямо отождествляется с понятием «отечественное».

В частном коллекционировании наряду с собраниями репрезентативными интенсивно формируются коллекции учебные, научные, в которых появляются отечественные древности, нумизматика, археология, рукописи. И, наконец, в этих коллекциях появляются мемориальные предметы. Человек, увидевший Время в линейной перспективе, стал нуждаться в опредмечивании не быта, но Бытия, в точках отсчета собственной судьбы, неразрывно связанной с судьбой и жизнью предков.

Практически во всех имениях и во многих городских домах дворян существовали комнаты с семейными реликвиями и портретные. Они формировались постепенно, из разбросанных по всему дому маленьких семейных «драгоценностей», портретов, писем, становясь привычной средой обитания для семьи. Иногда это ядро обрастало художественными или историческими предметами, которые наиболее соответствовали увлечениям конкретного человека, и возникала усадебная комплексная коллекция. Либо мемориальные предметы вплетались в ткань художественного, рукописного, естественнонаучного собрания, – медленно, но всегда осознанно и целенаправленно, никогда не случайно.

Известно, что коллекции богатого купечества начинались в основном как способ утверждения своего социального статуса. Но пройдет не так много времени, и собственная, пусть короткая пока еще история рода, также засверкает в купеческих собраниях семейными портретами и реликвиями.

Стремление к упорядочиванию мира и знаний о нем выразилось также в появлении каталогов, которые отразили уровень развития естественных и гуманитарных наук на тот период времени. Возможно, поэтому ранее всего каталог появился в кабинетах «натуральной истории», в коллекциях ботанических и минералогических: успехи европейских ученых были общеизвестны, к тому же создание структуры естественнонаучного описания основано на опыте внешнего восприятия и потому более объективно, тогда как для описания произведений искусства нельзя использовать только формальные признаки, – необходима разработанная и принятая обществом система оценок, зачастую достаточно субъективная. «Собрать воедино» историю народов или одного произведения искусства – задача гораздо более сложная, но без создания структуры описания их изучение, анализ и функционирование в системе стали теперь невозможны.

Опыт систематизации предметов «натуральной истории», произведений искусства в Западной Европе органично переняла русская культура. Однако каталоги и даже элементарные описания в России начала XIX в. были весьма редки. По этому поводу один из корреспондентов писал в 1823 г. П. Свиньину, что «собирая разные описи отечественных книгохранилищ, я многократно испытал, сколь затруднительно у нас бывает осведомляться о точном состоянии известных по одному слуху... ученых сокровищ, хранящихся у любителей, едва имеющих для самих себя обстоятельные их описания... Может быть, причиною сему странная скромность, чтобы пред всем светом не хвалиться своим добром сего рода...» [7]. Однако причины и прозаичнее, и серьезнее: конечно, не все могли ознакомиться с «образцами для подражания», но главное заключалось в том, что потребность в систематизации своего коллекционерского (=социального, интеллектуального, эмоционального) опыта была осознана далеко не всеми. Пока для большинства коллекционеров их собрания все еще остаются причудой, частью бытового устройства и формой самопрезентации.

Необходимо отметить, что купечество, мещане и духовенство не только активно включаются в собирательскую деятельность, но и показывают пример знаточеского отношения к своим собраниям. Купец А.П. Сапожников уже в 1827 г. создает «Реестр картинам» своей обширной коллекции, выполнен-

ный на высоком научном уровне, вероятно, не без помощи сотрудников Эрмитажа. В 1849 г. составлен фундаментальный каталог картинной галереи Арзамасской художественной школы ее основателем художником А.В. Ступиным. В 1830-е гг. архиепископ Афанасий (Дроздов), в то время ректор Костромской духовной семинарии, составил каталог части своего комплексного собрания. Несколько позже он сделает крышку на стол, составленную из камней его минералогической коллекции «с тем, чтобы с изяществом рисунка был соединен научный элемент, известная система в расположении камней» [8, с. 273]. В эти же годы составлены каталоги минералогических коллекций Ф.К. Броннера и Свистунова в Казанском университете.

Итак, для XVIII – первой половины XIX столетия огромное значение имеет любой факт коллекционирования, любое, пусть даже самое малое собрание, поскольку акт собирания предметов в этот период – это акт самоидентификации. Познание себя и мира, осознание себя в мире – то, что принес век Просвещения, стало уделом не элитарного круга избранных, но рядового человека. То, что мы видим зачастую на поверхности – галереи и кабинеты богатых вельмож, не является сутью того периода в русском коллекционировании, в котором утверждается понятие «музей», в котором коллекционирование становится частью отечественной культуры и формой национального самоопределения.

Под влиянием новых тенденций в русской культуре предметы искусства примерно с 1810-х гг. начинают более интенсивно выделяться из среды бытования. Совершается медленный переход от модного увлечения искусством и редкостями к пробуждению интереса к отечественным древностям, памятникам, произведениям искусства и, как следствие, к целенаправленному и осмысленному коллекционированию – начинается непростой процесс превращения истории в науку, «редкостей» – в памятники, а «кабинетов мод и страстей» – в музеи. Всплеск коллекционирования в провинции и столицах в первой половине XIX столетия был продиктован как эпохой историзма, для которой характерны охранительные функции, так и эпохой романтизма, пытавшейся закрепить ускользающие формы жизнедеятельности в материализованных эквивалентах.

Библиографический список

1. Шмит, Ф.И. Музейное дело: Вопросы экспозиции / Ф.И. Шмит. – Л., 1929. – С. 34.
2. Фуко, М.П. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М.П. Фуко. – М., 1977. – С. 156–161.
3. Булич, Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху / Н.Н. Булич // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. – Казань, 1875. – Вып. 1. – С. 20.
4. Гордин, М. Искусство театра. Предисловие / М. Гордин // Жихарев, С.П. Записки современника. – Л., 1989. – Т. 1. – С. 4–5.
5. Гачев, Г.Д. Образ в русской художественной культуре. – М., 1981. – С. 47.
6. Письмо Х.П. Кирсанова П.П. Свиньину. 1827. РНБ. ОР. Ф. 679. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
7. Отечественные записки. – 1823. – № 3.
8. Палимпсестов, И.У. Мои воспоминания / И.У. Палимпсестов // Странник. – 1888. – № 2. – С. 273.